

*Мы все, из детства вырастая,
Сквозь жизнь бурлящую летя,
Находим что-то и... теряем,
Дай Бог, чтоб только не себя!*

Мишка и Минька

Глава I.

- Мишка! - раздался на улице истошный крик и на пороге кухни появился Валерка Ощепков - Мишкин друг по первому классу.

- Пошли на бухту! Там пограничники с заставы кутят* топить будут!

Каждый год, когда на пограничной заставе щенились служебные собаки (немецкие овчарки), лишних щенят топили в бухте. Пограничники старались это делать незаметно, но вездесущие чукотские мальчишки всё равно узнавали об этом и пытались выпросить щенят. Служивым было запрещено отдавать их потому, что летом эти подросшие собаки оказывались на улице, сбивались в стаи и вели себя агрессивно. Были случаи, что они нападали на детей и взрослых людей. А местной живности в лице кошек и свиней от них вообще не было прохода.

Когда наступал предел терпению людей, тем же пограничникам, по просьбе политотдела* посёлка приходилось открывать на собак охоту или чукчам-оленеводам осенью отлавливать их для своих упряжек. Но, как правило, эти псы были ленивы, слабо обучаемы и плохо управляемы. Многие из них гибли в драках с чукотскими собаками прямо в упряжках.

Но летом 1954 года кутята, которых нёс в ведре пограничник, были не похожи на щенков немецкой овчарки. Они были пушистые, с круглой мордочкой и обречёно молчали, а не скулили, как бывает со щенками, которых оторвали от мамкиной сиськи.

Это оценилась служебная собака Резеда. По недосмотру инструктора она, находясь в командировке в Хатырке, улизнула из вольера *, повязалась с волкодавом и чукотскими лайками – хаски.

Когда на свет появились некондиционные щенята, пограничное начальство неделю находилось в недоумении. Они отчитывались перед вышестоящим командованием не только за каждый помёт*, но и каждого щенка. А что можно было сказать о появившихся щенках, в которых было намешано, кто знает, чьей крови.

Но, когда оценилась другая служебная собака – Роза, - принесла девять щенят, то решение пришло само собой: щенят Резеды утопить, а к ней подложить половину щенков Розы. Так и сделали. И вот теперь ребята окружили молодого пограничника, идущего выполнять не очень приятную команду начальства.

«Дь-дяденька п-пограничник, - начал подготовительную работу Мишка, который сильно заикался, - а что это за пэ-порода т-такая с-стран-ная? Д-дайте, п-пожалуйста, это пэ-пээсмотреть».

Дяденька - пограничник, на вид лет 18-19-ти, и которому совсем не хотелось заниматься этой до жути неприятной работой, с удовольствием остановился, стал объяснять ребятам, что служебная собака Резеда оценилась и что случилась вот такая незадача, и теперь он несёт щенят топить.

«Товарищ Люськин! Как вы выполняете распоряжение командира!? - послышался суровый голос. Рядом стоял старшина Гуль. Его глаза прямо сверлили говорливого подчинённого. «А вы, ребяташки, ступайте домой, нечего вам делать на бухте. Не дай бог, кто-то со льдины упадёт и утонет. Вот родителям будет горе». И он осторожно, но твёрдо стал заворачивать Мишку и подоспевших к месту сбора других детей в сторону посёлка. Ребята сделали вид, что уходят, но за первым же баракком* рванули в овраг и

выскочили на бухту под обрывом, на котором старшина давал нагоняй пограничнику. Тот оправдывался, говорил, что никогда не занимался таким делом и не сможет утешить щенят.

Тогда опытный Гуль взял ведро и начал спускаться с откоса к бухте. Конечно, он сразу увидел ту же стайку ребят, которых пять минут назад отправил в посёлок, а так как он был разгорячён разговором с неисполнительным пограничником, то стал кричать на ребят, что сейчас поймают их, надерёт всем уши и расскажет обо всём родителям.

Как бы не так! Кто же это ему попадётся? Крикливый старшина, увлечшись перечислением угроз в адрес детворы, вдруг поскользнулся на подтаявшем куске земли и, падая, выпустил из рук ведро со щенками. Они заскользили вниз к берегу.

В эту минуту неожиданно для всех и в первую очередь для себя самого Мишка бросился к ведру, запустил в него руку и выдернул щенка. Ватага заорала и бросилась следом. Не прошло и секунды, как щенки оказались в руках детворы, а перемазавшийся землёй старшина с искренним недоумением рассматривал пустое ведро.

За штабелем брёвен, сложенным на берегу бухты, ребята остановились и, переводя дыхание, стали рассказывать друг другу, как они ловко провели грозного старшину и как он смешно падал с откоса. В результате проведённой «операции» в руках мальчишек оказалось четыре щенка. Когда страсти немного улеглись и ребята вдоволь насмотрелись на щенят, встал вопрос: куда их девать? Немногие родители похвалили бы своих чад за эту проделку. Ещё меньше захотели бы оставить у себя такие беспородные создания.

Уже не такие смелые ребята стали расходиться. Мишка со своим щенком в руках примчался к дому. Они, мама с папой и старший брат Валька, жили в бараке, где находилось четыре, как сегодня бы сказали, однокомнатные квартиры. В каждую был свой вход через холодный, где хранился уголь, а зимой и разделанные олени туши, тамбур. За ним шёл тёплый предбанник с вешалками для одежды, и дальше, через кухню, можно было пройти в «большую» двенадцатиметровую комнату, где спали родители и Мишка. Валька спал на раскладушке на кухне.

«Чем же тебя накормить?» - думал Мишка, лихорадочно вспоминая, чем кормят щенят. «Нужно молоко. Но где его взять? У мамы есть где-то сгущёнка! Но её запретили брать, так как осталось всего четыре банки для торта на мамин день рождения. А пароход с продуктами придёт только через месяц, в конце июня. Но если мама приготовит торт из галет и сгущёнки, то он будет разделён на четверых, - дальше размышлял Мишка, - значит, каждому по банке сгущёнки. А он может и не есть торт. Выходит, одна банка его и он может её спокойно взять». Что и сделал. Вскрыв банку и налив в миску немножко молока, он развёл его тёплой водой из чайника, стоявшего на печке. Однако попытки заставить щенка лакать молоко ни к чему не привели, так как тот просто не мог этого делать. Это немало озадачило Мишку.

Немного подумав, он макнул свой палец в молоко и стал совать его в рот щенку, а тот стал сосать, причмокивая и урча. Провозившись с кутёнком больше часа (хорошо, что родители были на работе, а Валька где-то шлялся) и весь измазавшись в молоке, Мишка положил уснувшего щенка на тряпку, прикрыл его другой и задвинул под Валькину раскладушку. Теперь надо было что-то такое соврать родителям, чтобы они оставили щенка дома. Немного поразмыслив, Мишка решил, что начинать надо с отца. Что он скажет, так и будет.

Мишкин отец работал бухгалтером в военизированной охране порта. Посёлок, в котором жила Мишкина семья, назывался Бухта Угольная. Он стоял на берегу Берингова моря, и основной его задачей было обеспечение проходящих в Арктику судов углём, который добывался на шахте в семи километрах от посёлка. Там был свой посёлок, На-

горный, и эти два посёлка связывала узкоколейная железная дорога, по которой бегал паровозик «кукушка» с пятью вагонами. Уголь разгружался на угольном дворе и по транспортёрной ленте подавался на пирс. Пирс - это такой причал для плашкоутов – барж, с плоским верхом и без трюмов. Нагруженный углём плашкоут отбуксировывался катерком-буксиром к стоящему на рейде* пароходу и там ковшами парохода уголь перегружался в трюмы. Мишкина мама работала тальманом на пирсе. Она следила за погрузкой угля и считала, сколько плашкоутов ушло.

Весной и осенью Мишкин отец привлекался политотделом для просчёта оленей в оленеводческих бригадах. За ним даже была закреплена собачья упряжка с каюром - погонщиком собак.

Мишка подумал, что нужно сказать отцу, что из этого щенка может получиться прекрасная ездовая собака, а может быть, даже и вожак. И он будет возить и защищать его в долгих командировках в тундру.

Эта мысль так обрадовала мальчонку, что он сорвавшись с места, прямо воткнулся в маму, входившую в дом. Взглянув на Мишку, она сразу же поняла, что неприкосновенному запасу сгущёнки нанесён значительный урон.

«Куда летим? - спросила мама. - И почему такой сладкий? У нас что, пароход пришёл? Отоварили продуктовые карточки?»

Мишка растерянно смотрел на маму и лихорадочно думал, что бы такого соврать? Но тут его ожидал

ещё один сюрприз. Открылась дверь и вошёл старшина Гуль. Всё! Мишкино сердечко опустилось в пятки и он заплакал. Это так ошеломило присутствующих, что они наперебой стали успокаивать уже рыдающего в голос Мишку.

И вдруг все замолчали. Откуда-то раздавались странные звуки. То ли кто-то плакал, то ли плакал. Прислушавшись, мама безошибочно подошла к раскладушке и, нагнувшись, вытащила из-под неё тряпку, на которой неуклюже ворочался щенок.

- Откуда это «чудо»? - строго спросила Мишку мама.

Ответ и помощь пришли неожиданно со стороны гостя. Строгий старшина, образец порядка, воинской справедливости и исполнительности, увидев распахнутые от страха, полные слёз глаза Мишки, неожиданно закашлялся, а потом, удивляясь сам себе, начал врать, как самый настоящий пацан.

- Люся! - сказал он, - Ты понимаешь, Резеда оценилась, а щенки не совсем того... Они помесь от волкодава. Тем более что и Роза принесла аж девять щенков. Вот начальство и распорядилось отдать первых щенят жителям, кто захочет взять, а половину Розиных подложить Резеде.

- Вы там, на погранзаставе, все тронулись, - сказала мама, - скоро живых волков раздавать будете, а потом с винтовками за ними гоняться по всему посёлку. Что, других ребят не нашлось, кроме Мишки? Чем мы щенка отпаивать-то будем? Борщом?

Тут Мишка получил второй удар. Старшина молча полез в рюкзак, который он, войдя на кухню, поставил у порога и достал оттуда три банки сгущёнки.

- Это сейчас, а потом я ещё принесу, - сказал он. - Командир заставы распорядился.

- Да что нам с ним делать-то? На кой он нам нужен?

- Ну-нуужен, н-н-нужен, м-мамочка, - запричитал Мишка. - Я из не-не-него ездовую с-с-собаку сделаю, и он нашего пэ-пэ-папку бу-буудет возить в тундру и таам за-за-ащищать!

Когда он сильно волновался, то заикался ещё больше. Мишкино сердечко колотилось. Его план начал осуществляться с неожиданной поддержкой старшины, которому в этот момент он был очень благодарен.

- А сы-сы-спать он б-будет в пэ-пэ-прихожке, и я за-за ним са-саам б-буду ухаживать. И ко-кормить, и мы-мыть его. И он со-совсем не бу-будет г-гадить и вам с папой м-меешать!

Мишка ещё долго говорил бы на эту тему, но мама сказала:

- Ладно! Как отец решит.

Это сразу же отрезвило его. Опять надо было начинать всё с начала, но уже с отцом. Там старшины не будет.

А между тем старшина затянул вещмешок и сказал маме:

- Командир напоминает, что ждем вас с концертом в воскресенье. Всё-таки День пограничника! А ты, - обратился он к Мишке, - проводи-ка меня.

На улице старшина положил руку Мишке на плечо.

- Командир должен знать, что все щенки утоплены. Родители твоих дружков уже возвратили щенков и их... ну... это, того. Скажи отцу, чтобы он, если вам не нужен щенок, не носил его на заставу. Достанется и мне и Люськину за невыполнение приказа. А из этого щенка должен получиться добрый пёс, но не служебный. А сгущёнки я ещё принесу.

И он, хлопнув Мишку по плечу, пошёл к заставе.

- Да, - старшина остановился, - как назовёшь-то его?

- Я н-не знаю. Н-надо сы-сначала чтобы п-папа р-разрешил ему остаться.

- Ну, бывай! Глаза пошире разувай, собачник!

Старшина махнул рукой и, ускоряя шаг, пошёл по грязной, разбухшей от весенней сырости дороге.

Вечером, когда пришёл отец, Мишка никак не мог начать разговор о щенке, а мама, на которую он так надеялся, тоже молчала.

Поужинав, отец вдруг сказал Мишке:

- Ну, где там твой трофей? Давай показывай! Посмотрим, что это за зверь?

«Зверь» был весь мокрый, его глаза, подёрнутые голубой плёнкой, были чуть приоткрыты, и он ими пока ещё ничего не видел. Тыкаясь мордочкой в пространство, он пытался издавать угрожающие звуки, что выглядело нелепо и смешно.

- Да, зверюга! - сказал отец. - Ну-ка расскажи, как ты его спёр у старшины?

Мишка, раскрыв рот, смотрел на отца, не сразу поняв, что и тому уже всё рассказал Гуль. Он пытался что-то выдать из себя в своё оправдание, но отец вновь перебил его:

- Ладно, пусть остаётся. Но если он будет гадить, то я его утоплю. Понял?

Мишка молча закивал головой, прижимая к себе щенка. А тот, изловчившись, лизнул его в нос и тихо заскулил.

Тут же мама достала заготовленную заранее бутылочку с соской, и они с Мишкой начали приучать щенка сосать из соски. Это не сразу, но получилось, потому что, как говорит пословица: «Голод не тётка...».

Брат Валька равнодушно отнёсся к новому члену семьи, не забыв сказать Мишке, что не потерпит щенка под свой раскладушкой.

Так неожиданно легко разрешилась эта сложнейшая для Мишки задача.

Старшина выполнил своё обещание и ещё не раз приносил сгущёнку. Более того. Он уговорил командира заставы, где с концертом выступили жители посёлка, а Мишка спел песню «Мы шли под грохот канонады», наградить его тремя банками сухого молока.

Глава II.

В семь лет, перед школой, Мишка начал заикаться. Он был испуган увиденной на улице страшной пьяной дракой местных мужиков с пароходскими.

Ночью ему приснился сон, что он бежит по огромным, высоченным пустым залам и, открывая такие же огромные двери, никого, нигде не может найти.

Он кричит, но никто не отзывается на его крик. Он всё бежит и бежит, и страх наполняет его бешено бьющееся сердечко, маленькую и беззащитную душу.

Просыпался в поту, а когда засыпал, всё повторялось вновь и вновь.

Этот сон периодически снился ему ещё много лет. И он всегда просыпался испуганный и мокрый от пота.

После долгого молчания Мишка заговорил, но стал заикаться. Когда же он начинал что-то увлечённо рассказывать, то заикания было почти незаметно. Когда волновался, то с трудом мог сказать слово.

Родители обращались к врачу, однако получили ответ, что заикание не лечится. Мать упорно искала пути лечения и неожиданно нашла поддержку в лице учителя Мишкиного первого класса Тамары Ивановны Колохмановой.

Откуда этой восемнадцатилетней девчужке, выпускнице Анадырского педагогического училища, было известно, что заикание лечится ... пением? Но они с матерью решили, что Мишке надо всё петь. И на уроках в школе, и дома, когда он что-нибудь рассказывал, и на улице. Петь, петь и петь.

Сначала Мишке было неудобно и стыдно петь в классе потому, что это вызывало у детей смех. Однако учительница стала наказывать смешливых, и со временем класс привык, что если вызывают к доске Мишку Серова, то начинается урок пения. Более того, на улице, в играх, когда Мишка пытался что-то рассказывать, а выдумщик он был знаменитый, ребята кричали ему: «Пой! Пой!»

Мишка внимательно следил за своим питомцем, убирая за ним следы его деятельности и приучая ходить в одно место в угольнике. Он экономил для дружка кусочки мяса, которые ему в супе или борще давала мама. Чаше, чем обычно, он просил у матери разрешения поесть струганинки* из оленины, но всё нарезанное мясо скармливал щенку.

Когда на улице было сыро и холодно, а это на берегу Берингова моря случалось частенько, он ночью брал его к себе в кровать или оставался спать с ним в предбаннике. Хорошо, что там и зимой и летом висели тулупы и тёплые ватники родителей.

Он бросался в любую собачью драку, когда видел, что щенку приходится туго. Поэтому постоянно ходил покусанный и в синяках. Но это приучило его не бояться собак, узнать их психологию и поведение не только на улице, но и в драке. В дальнейшем собаки чувствовали, что Мишка их не боится и, как правило, не трогали его. А молодой пёс, имея за своей спиной такую защиту, бесстрашно вступал в любые схватки со своими сверстниками и хоть многие поначалу проигрывал, но накапливал в себе бесценный опыт.

Часто они подолгу смотрели друг другу в глаза. И в противовес досужему рассуждению, что собака не выдерживает пристального взгляда человека, эта собака не отводила свои глаза. Она начинала по взгляду понимать этого трудно говорящего маленького человека, а тот начинал чувствовать, что творится в душе у пса.

Сосед Серовых по бараку, Пананто, учитель русского языка, работающий с оленеводами в тундре, посмотрев как-то щенка, сказал: «Сильная будет собака. Лапы широкие, грудь широкая, нёбо чёрное. Злая будет собака. Вожак, однако!»

Как-то, проснувшись утром, Минька не нашёл собаку на привычном месте. Мать, готовящая завтрак для всей семьи, сказала ему, что пёс умчался с другими собаками в посёлок, и мальчишка, наскоро перекусив, побежал на поиски своего воспитанника. У него было какое-то неосознанное чувство тревоги за собаку. По дороге к нему присоединился Валерка Ощепков, но они, прочесав весь посёлок, собаку не нашли. Нужно было приступить к более тщательным поискам. После повторного осмотра посёлка с привлечением всех встречаемых мальчишек они собрались на своём излюбленном месте, за штабелем брёвен. Все молчали.

Вдруг Вовка Кагукин сказал:

- Сейчас сгоревший дом будут сносить. Пойдём, чё ли, посмотрим? Может, что и интересное найдём. А потом ещё раз собаку поищем.

С такой постановкой вопроса пацаны были согласны и поэтому помчались к сгоревшему на прошлой неделе бараку. Около него уже стоял бульдозер и рабочие, которые должны были расчистить место под строительство нового барака.

Затарактел двигатель бульдозера, машина, опустив свой отвал, медленно поползла к пепелищу.

- Мать вчера помогала погорельцам перетаскивать жратву из подвала. Там у них столько всего было – страсть! - разговорился Вовка. - И мука, и сухое молоко, и копчёное мясо с рыбой. Я пробовал. Вкусно!

Мишка оторопело посмотрел на Вовку и шёпотом спросил:

- Г-где по-подвал?

- Да вот там, под домом был - и ткнул пальцем в сторону сгоревшего дома.

«Там собака», - резанула Мишку мысль.

- Там собака! - заорал он в полный голос, даже не заикнувшись.

Сорвавшись с места, он помчался наперерез идущему к остаткам дома бульдозеру. Вся ватага с воплями бросилась за ним, что-то крича бульдозеристу. За шумом работы двигателя он ничего не слышал, а обращать внимание на поведение ребят не собирался. Мало ли как они играют. А у него задание - снести весь этот хлам как можно быстрее.

Ребята, отскакивая от надвигающегося на них ковша бульдозера, продолжали кричать, требуя остановить. Толку от этого было мало. Но бульдозериста стал смущать маленький, вихрастый пацанёнок, который, вдруг набычившись, перестав бегать, как вкопанный встал на его пути. Чем ближе трактор приближался к мальцу, тем беспокойней было на душе у бульдозериста. Он высунулся из кабины и стал орать на пацана, что надерёт ему уши и даст ремня за это безобразие, но тот и ухом не повёл. Вынужденный остановить трактор, мужик выскочил из кабины и с удивлением увидел, как ребята бросились в сгоревший дом и начали что-то искать.

Мишку как будто кто-то вёл. Он сразу же побежал в дальний угол сгоревшей кухни, откинул с пола кусок закопченной жести и увидел перед собой подпол. Лестницы не было, но он, не долго думая, прыгнул вниз и тут же, в полутемноте разглядел своего щенка. Тот молча стоял и смотрел на хозяина, едва шевеля хвостом. Рядом лежал кусок обгоревшей и обрушившейся лестницы. Видимо, она упала, когда щенок полез в подпол.

Мишка осмотрел щенка и попытался поднять его наружу. Не тут-то было. Не хватало ни сил, ни росточка. А встать было не на что. Пацаны, сгрудившиеся у обнаруженного подпола, как всегда галдели, обсуждая создавшуюся ситуацию. Её разрядил бульдозерист, наконец-то добравшийся до этих сорванцов. Заглянув вниз, он сразу понял, в чём дело, и свистнул отдохавшим рабочим. Те с видимой неохотой направились к нему, но видя ребёнка с собакой в подвале, значительно оживились. Один из них сбегал за верёвкой и Мишка со своим питомцем оказались на свободе. Он, конечно, получил от дядьки подзатыльник за то, что плохо смотрит за собакой, и это его не обидело. Он даже сказал «спасибо».

Вернувшись домой, он ничего не сказал родителям, а на вопрос, где это его угораздило так измазаться, соврал, что с ребятами жгли костры. На этом все и успокоились.

Глава III.

Пёс рос быстро и стал первым прибегать в дом, когда кто-то звал туда Мишку. Мать даже сказала как-то отцу: «Ну вот, у нас теперь два Мишки».

Так и стали называть щенка – Мишка, а Мишка большой в одночасье стал Минькой.

Прошло лето. На Чукотке, вопреки всем погодным явлениям, после лета сразу наступает зима. Поэтому никто не удивился, что однажды проснувшись, увидели снег. Но рады были только дети и собаки, которые вместе валялись в снегу. Мальчишки швыряли друг в друга снежки и промокали с головы до пяток.

Шестимесячный Мишка покрылся длинной шерстью, окреп и возмужал в драках с поселковыми собаками. У него был острый ум, моментальная реакция, ловкость, отчаянная смелость, благодаря которой он мог напролом прорваться через строй дворняг, нанося им колоссальный урон, сам оставаясь при этом целёхонек.

Надо ли говорить, что дружба между Мишками с каждым днём крепла. Миньке приходилось несколько раз выручать своего друга из рук каюров, отлавливающих в посёлке собак. По одному движению Минькиных рук или глаз Мишка понимал, что нужно делать: прятаться, ложиться, ползти или выскакать из укромного места, пугая Минькиных одноклассниц, да и одноклассников тоже. Все в посёлке знали, что Миньку обижать не стоит. Особенно после того, как подвыпивший матрос с сухогруза решил проучить мальчишку за то, что тот обрызгал его грязью, промчавшись по луже на велосипеде. Едва замахнувшись для выдачи пацану затрещины, мореход оказался на земле с прокушенной рукой. А Минька, остановившийся, чтобы извиниться перед моряком, с трудом оторвал от него озверевшего пса. Это видел народ, и в дальнейшем все уважительно относились как к собаке, так и к его хозяину.

С начала зимы Минька стал запрягать Мишку в импровизированную нарту. Это было старое оцинкованное корыто для стирки, к которому были привязаны верёвки. В прошлую зиму мальчишки пользовались им для спуска с обрыва на замёрзшую бухту. Но в наступившую зиму Минька решил шире использовать это подручное средство передвижения.

А случилось это так. Он выпросил у матери старый ватник, отпорол у него рукава и одел на Мишку этот импровизированный жилетик. Тот сначала ничего не мог понять и всё пытался снять эту безрукавку, валяясь по снегу и стягивая её с себя за край полы. Но Минька успокаивал собаку и с солидным упорством каждый день «одевал» своего друга вновь и вновь. Когда Мишка немного пообвык, Минька прищипнул к ватнику верёвку, одел пса в жилетик и встал на лыжи.

Первая попытка промчаться с шиком по посёлку закончилась полным фиаско. Мишка резко рванул с места, и Минька пропахал половину посёлка животом под страшный хохот людей, видевших этот эксперимент. Вот тогда-то Минька и придумал привязать к верёвке корыто. Собака внимательно смотрела за манипуляциями друга, и, когда Минька уселся в корыто, пёс, сначала с натугой, а потом всё быстрее и быстрее помчал его по посёлку. Он летел куда хотел и совсем не слушал, что кричал ему Минька. А тот, болтаясь в своём корыте из стороны в сторону, стучаясь при поворотах о столбы, заборы и стены домов, пытался безуспешно выкарабкаться из него. Наконец Мишка прибежал к дому и довольный остановился у входа. Минька вывалился из своей «кареты» замёрзший и злой, подошёл к нему и, дав затрещину, стал снимать жилетку. Мишка, поняв, что хозяин сердится, исхитрился и лизнул Миньку прямо в нос, а затем отскочил от него и стал носиться вокруг, приглашая поиграть. Валька, наблюдавший всю эту эпопею, сказал брату: «Да ты, как чукчи, возьми палку и будешь ею тормозить, когда надо. И остановиться с ней можно, где захочешь».

Идея Миньке понравилась. И он на следующий день нашёл солидный кусок черенка от лопаты, заострил его конец и сделал вторую попытку проезда на Мишке. Правда, на этот раз он ушёл за узкоколейку, где его никто бы не видел. После нескольких попыток и он, и собака поняли, как надо совместно действовать, и уже в корыте Минька вернулся домой на зависть своим друзьям и недругам. Возвращение новоявленного каюра ви-

дел сосед Пананто и он предложил Миньке постажировать Мишку в своей упряжке, собранной к зиме. Минька согласился и сам несколько раз выезжал с Пананто на тренировку, где научился командовать собаками, ставить их в упряжку, кормить.

Мишка учился быстро, уже через месяц весело тащил нарту, поворачивая по команде то влево, то вправо. Более того, он терпеть не мог лентяев и, заметив, что идущая за ним собака филонит, пытался немедленно разобраться с ней, за что также немедленно получал удар каюра остолом - палкой, которой каюр управлял упряжкой. Это научило его терпеть обиду. Но уж когда его отвязывали от упряжки, он не давал спуску лентяю, несмотря на то что в большинстве случаев эти собаки были старше.

«Однако вожак растёт!» - всё время говорил Пананто и однажды поставил его на место вожака.

Нечего и говорить, что Мишка в лице старого вожака получил злейшего врага. Но в то время он просто растерялся. Перед ним никого не было, но зато за ним стояло пять псов, среди которых были и обиженные им. И теперь они были готовы догнать его и сзади поквитаться с обидчиком. Поэтому, когда Пананто послал упряжку вперёд, Мишка со всех ног бросился от собак, не разбирая, куда он летит и что кричит ему каюр. Однако острые удары остола наконец-то привели его в чувство, и он стал выполнять команды, чем привёл в неописуемый восторг Миньку и ватагу его друзей, наблюдавших эту процедуру.

Через полчаса нарта остановилась и тут же началась собачья свара *. Старый вожак с ходу набросился на Мишку, сбил его с ног и стал разъярённо трепать. Другие собаки навалились на них сверху, пытаясь куснуть Мишку, а заодно и старого вожака, припоминая и ему их трёпку. Пананто сидел в нарте и молча наблюдал за случившимся, давая собакам выплеснуть свои обиды. Но Минька не мог терпеть, по его мнению, такой несправедливости и бросился в самую гущу дерущихся собак на помощь своему другу. Он вцепился в оцетинившийся загривок старого вожака и старался стащить его с Мишки. Одновременно ногами он лупил других псов, а те, оторопев от такой наглости, отскакивали в сторону.

Тут уж всполошился и Пананто. Он-то знал, как опасно вмешиваться в драку упряжки. Там могли в запале не пожалеть и хозяина.

Наотмашь лупя собак остолом, каюр добрался до вожака, ловко просунул под него палку и резким движением опрокинул его в снег. Мишка вскочил на ноги и попытался броситься на обидчика, но тут же получил удар остолом по хребту. Вторая попытка закончилась тем же. Он с недоумением смотрел то на Миньку, то на Пананто не понимая, почему ему нельзя ответить на такую подлую атаку сзади. А Минька между тем лихорадочно отвязывал своего друга из упряжки, молча роняя на снег слёзы обиды и жалости за него. Отвязав собаку, он зло бросил Пананто: «Я больше никогда тебе его не дам!»

Дома, внимательно рассмотрев нанесённые Мишке ранения, он увидел, что у того были порваны уши и вырван клочок шерсти из бочины. «По такой драке легко отделался», - подумал Минька. И только тут увидел, что штанина на его правой ноге разодрана аж до пояса. Это кто-то из псов рванул всё-таки и его.

Вечером Пананто зашёл к родителям в гости и там за чашкой чая, рассказывая им об успехах собаки, как бы вроде и не Миньке вдруг сказал: «Если хочешь, чтобы у тебя была хорошая ездовая собака, надо, чтобы она всему научилась, в том числе и собачьей подлости, хитрости и вероломству. Других вариантов, кроме как всё это испытать на себе, нет».

Утром сосед как ни в чём не бывало стал собирать упряжку, прихватил стоящего рядом Мишку и вновь поставил его на место вожака. Минька не успел выскочить на улицу, как нарты унеслись за посёлок. Он хотел побежать за ними, но мать сунула ему в руки портфель и приказала не «валять дурака», а идти в школу.

В классе он сидел как на иголках, постоянно пытаясь в замёрзшее окно рассмотреть, что делается на улице, и, может быть, увидеть упряжку.

Дома его поджидал Мишка, весело махавший своим толстым хвостом. По его довольному виду было понятно, что сегодня его никто не обидел. Более того, Пананто рассказал, что, как только нарта остановилась, Мишка сам набросился на старого жоака и дал ему такой сдачи, что тот завизжал. Это у собак знак того, что они подчиняются. «Хороший пёс! Отличный из него выйдет жоак!», - уже в который раз сказал Пананто. И на Минькином лице расплзлась счастливая улыбка.

Глава IV.

В декабре отец выезжал в тундру на подсчёт оленей. На этот раз командировка была непродолжительная, так как выезжал он недалеко, в посёлок Алькатваам. На этот раз каюром у него был Пананто и они, по согласованию с Минькой, поставили в нарту Мишку.

Вернувшийся из тундры пёс выглядел совсем по-другому. Он стал более сдержан, его мышцы затвердели, он похудел, хотя из-за длинной шерсти этого не было видно. Минька крутился вокруг него, подсовывал ему сохранённые кости и всё время старался погладить. В ответ Мишка лизнул его в нос, как бы говоря, что не забыл своего друга.

Отец рассказывал, что Мишка работал хорошо. Дважды ставился на место жоака и обратил на себя внимание оленеводов. Уже потом, позже и совершенно случайно, Минька услышал, как отец рассказывал друзьям, что Мишка дрался с пойманным оленеводами волком и с трудом, но задавил его.

Утром Минька оцупал всего Мишку и с горечью обнаружил несколько свежих шрамов на шее и животе собаки. Он посмотрел в его глаза и вдруг чмокнул в нос. В ответ Мишка лизнул его и положил голову на колени мальчишки.

Наступил апрель, Мишке исполнился год. Он стал огромным псом, знавшим себе цену. Подчинялся он только Миньке и, когда его брали в упряжку, Пананто. Всех же остальных людей он просто не замечал. Считался он с Минькиной матерью, но лишь потому, что она его кормила. Отца и брата, как и ватагу Минькиных друзей, он терпел только потому, что они хорошо относились к его другу. Все же остальные были потенциальными врагами, и с ними надо было держать ухо востро.

Минька практически не расставался с собакой. Она провожала его в школу и ждала окончания занятий. Она ходила с ним в магазин и присутствовала при ребячьих играх. Часто, запряженный в корыто, он катал пацанов по посёлку, распугивая прохожих. Вот чего пёс не любил, так это ходить с Минькой на берег бухты, где появились отколотые от ледовых полей льдины, по которым любили бегать пацаны. Льдины под воздействием воды расходились, а затем со страшным грохотом сталкивались, крошились, трескались и опять расходились. Это-то и нравилось мальчишкам, которые, несмотря на запреты родителей, ежедневно околачивались на бухте, геройствуя друг перед другом.

Воскресным утром Минька с братом пошли в кино, в клуб, стоящий на откосе у бухты. Как всегда, киномеханик задерживался, и Минька с друзьями спустились к бухте, а старшие ребята стали играть в зоску. Зоска – это такой кусочек меха, к которому прикреплена свинцовая пластинка. Её нужно было подбрасывать ногой и она, кувыркнувшись в воздухе, падала вниз обязательно тяжёлой, а не волосистой стороной. Тут её снова нужно было подбивать ногой. И кто больше раз её подбрасывал, тот и становился победителем. Причём оценивалось и то, какой стороной стопы ты её подбрасывал: носком, щёчкой или внешней частью стопы. В общем, увлекательное было занятие.

А между тем младшая часть детворы «дорвалась» до льдин и, пользуясь тем, что их старшие братья перестали следить за ними, устроила гонки с препятствиями по льдинам.

У Миньки в этот день получалось всё. Он первым выскакивал на льдины, преодолевал трещины и торосы, умудряясь при этом строить рожи стоящим на берегу девчонкам и сидящему на поломанной лодке Мишке. В общем, настроение было прекрасное! Проносьясь вдоль берега в очередной раз, Минька не рассчитал и, прыгнув через расходящиеся льдины, оказался в воде. Он сумел зацепиться за край противоположной льдины, но вылезти на неё ему не дала сразу же намокшая и потяжелевшая одежда.

На берегу истошно закричали девчонки, Мишка одним прыжком оказался на льдине, перепрыгнул через всё ещё расходящуюся трещину и, вцепившись в рукав Минькиного ватника, стал тащить друга на лёд. Лапы его скользили. Он пытался пятиться назад, но это ему не удавалось. Всё, что он мог, это держать Миньку, не давая ему сорваться с края льдины. Но после расхождения льдины должны были сойтись...

Верка Малкина, Минькина одноклассница и участница всех пацаньих боёв, бросилась по откосу к клубу, где играли старшие ребята, и во весь голос завопила:

- Мишка тонет!!!

Первым моментально среагировал Валька, хотя Мишек в посёлке было полным-полно. Он, сорвавшись с места, кубарем скатился с откоса и помчался к сходящимся уже льдинам.

Как этому одиннадцатилетнему пацану удалось одним движением за шиворот выхватить Миньку из полыньи – не знает никто. Но то, что он успел это сделать, спасло брату жизнь. Перепуганный Минька лежал на льду, а весь трясущийся от волнения старший брат стоял над ним и что-то жутко кричал. Мишка, отпустив Минькин рукав, подошёл к Вальке, встал на задние лапы и, положив передние ему на плечи, стал лизать его в нос, щёки, глаза. От таких «телячьих нежностей» брат оторопел и пришёл в себя. Он поставил Миньку на ноги, и они на пару помчались домой, по пути договариваясь, как будут врать родителям, что Минька упал в лужу. Они прекрасно понимали, что родители узнают правду. Но это будет попозже, и тогда, может быть, им не попадёт. Так оно и случилось. Правда, только по отношению к Миньке.

Старший же брат получил ремня за то, что плохо смотрел за младшим. Подзатыльник, который дал младшенькому отец, был не в счёт. Зато Мишка получил от матери большую сахарную кость, на которой хоть и было не так уж и много мяса, зато её можно было долго, долго грызть.

Глава У.

В конце лета Мишки вновь отличились, на этот раз сумев помочь спасти человека на рыбалке.

На Лагуне (это такая речка, которая текла километрах в шести - семи от посёлка) любители рыбной ловли ловили красную рыбу. В основном это была горбуша. Мужчины с вечера в субботу выезжали туда компаниями, ставили сети, ночевали в отрытых землянках, солили в бочках рыбу и в специальных судках икру. Вечером в воскресенье приходила машина и забирала рыбаков вместе с предыдущим уловом. Она останавливалась около магазина, и народ мог набирать солёной рыбы, кто сколько хочет. Свежей рыбы тоже было полным-полно.

Однажды, когда все уже завалились спать, Мишка пролез в землянку и стал за штанину вытаскивать Миньку на свежий воздух. Хоть и не хотелось, но Минька выполз из землянки. Вместо того чтобы ругать Мишку за то, что тот не даёт ему спать, он смотрел

с удивлением на собаку, которая подошла к самому краю воды и уставилась на тёмную реку.

Вдруг в ночной тишине со стороны реки донеслось далёкое: «Помогите!»

Мишка заскулил и посмотрел на Миньку. Тот оторопело пялился на речку, ничего не соображая. Тогда Мишка поднял голову вверх и завыл. В ответ с реки вновь, но уже ближе донеслось: «Помогите!»

Минька бросился в землянку и стал теребить отца: «Папа, папа! Там на речке кто-то тонет!»

Отец после активно проведённого с друзьями вечера не сразу пришёл в себя. Но когда смысл Минькиного бормотания до него дошёл, он быстро надел сапоги и выскочил на улицу. Перед ним текла река, разделённая надвое лунной дорожкой. Небольшой ветерок рябил воду. Так они стояли в тишине минут пять.

«Тьфу, - ругнулся отец, - ну чего тебя по ночам носит? Иди, спи!» И повернулся, чтобы идти в землянку. И в это время с реки в третий раз донеслось: «Помогите!»

Отец вздрогнул, затем, быстро присев, стал внимательно просматривать лунную дорожку. Увидев там какой-то странный, на Минькин взгляд, предмет, он бросился к вытащенной на берег лодке-плоскодонке и, быстро столкнув её в воду, крикнул Миньке: «Буди мужиков!»

Минька, заорав как на погранзаставе, «Подъём!», ввалился в землянку и стал тормошить спящих людей. Первым выскочил на берег папкин друг, дядя Миша Алоничев. За ним высыпали другие. Объяснения Миньки были кратки: «Папка кого-то спасает».

Минут через десять в отблесках разведённого костра появилась лодка, в ней сидел только отец. Ткнув её в берег, он наклонился над кормой и помог встать на ноги державшемуся за лодку человеку. Это был военный. Их сети стояли километрах в полтора выше нашей землянки.

С трудом выйдя на берег, человек упал на землю, и его заколотило. Дядя Миша быстро достал алюминиевую кружку, плеснул туда спирта, и они с отцом силком влили его в рот спасённому. Через пару минут тот пришёл в себя и сел.

«Вот этим двум Мишкам скажи спасибо, - сказал ему отец, - Это они услышали тебя». Военный закивал головой, но говорить не мог. Тогда его подняли и отвели в землянку, где переодели в сухое бельё, дали ещё выпить и положили спать, укрыв толстым одеялом.

Пока отец и дядя Миша возились со спасённым, другие рыбаки догнали его перевернувшуюся лодку и зацепившуюся за неё сеть и притащили их к берегу. Отметив удачно завершившуюся операцию, все завалились спать, наградив Мишку банкой тушёнки.

Утром неудачливый рыбак рассказал, что поехал проверять сеть и перевернул лодку, встав на край плоскодонки. Это случалось часто с такой неустойчивой посудиною, особенно когда не было достаточно навыков плавания на ней.

Позавтракав с рыбаками, он побрёл к своей землянке, волоча лодку по реке на верёвке. Этаким бурлак на Лагуне. Правда, к обеду он вернулся и принёс своим спасителям две фляжки спирта, Миньке настоящий офицерский ремень, а Мишке большую кость с огромным куском уже начавшего вонять мяса. Однако это Мишку не смутило, и он с удовольствием, удалясь от людей на определённое расстояние, чтобы у него ничего не забрали, стал уничтожать так неожиданно свалившееся угощение.

Глава VI

Ближе к осени, когда была завершена навигация, в поселковом клубе возобновились репетиции художественной самодеятельности, в которых самое активное участие принимали Минькины родители. Мама прекрасно пела, у неё было меццо-сопрано, а отец

аккомпанировал ей на трофейном, привезённом из Кенигсберга, аккордеоне. Мама пела вместе с тётёй Катей Варламовой арии из «Пиковой дамы», песни Дунаевского, популярные песни из кинофильмов. Не оставался в стороне и Минька, который с удовольствием пел как с мамой, так и один. Все зрители находили, что у него это получалось прилично. Но почти всегда, когда Минька начинал какую-нибудь взрослую песню, например:

*«Когда весна придёт, не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега,
Но ты мне улица родная,
И в непогоду дорога!»,* - зал хихикал, но всегда заканчивал песню вместе с юным

певцом.

На репетиции с определённого времени никогда не брали Мишку. Он спокойно лежал в зале, когда кто-то пел, танцевал, или просто звучала музыка. Но стоило только Миньке запеть, как пёс сначала тихонько, затем всё сильнее и сильнее начинал подвывать. Да ещё с таким выражением, что люди покатывались со смеху.

Конечно, незваного артиста выгоняли, но как только Минька вновь начинал петь, пёс выл и на улице. Поэтому, когда семья шла на репетицию или концерт, Мишку оставляли дома. Время было горячее. Приближались ноябрьские праздники, и самодеятельные артисты готовились удивить жителей посёлка новым концертом.

В конце октября, когда выпал снег, Мишка пропал. Минька носился по всему посёлку и расспрашивал всех о нём. Может быть, кто-то чего-то видел или знает про собаку. Однако никто ничем не мог помочь.

Только на третий день Минькин дружок, Вовка Кагукин, у которого мать работала в поселковой столовой, рассказал, что в столовке обедали чукчи-оленоводы. У них была упряжка и течная сука - собака готовая к вязке. От такой приманки ни один нормальный пёс отказаться не мог. Вероятнее всего, что Мишка попался на эту удочку, и его отловили для чукотской упряжки. Но откуда они?

К решению этой задачи подключился и отец, и Пананто. Он даже съездил на своей нарте за тридцать километров в посёлок Алькатваам, но местные чукчи заверили его, что у них Мишки нет.

Минька не находил покоя. Он плакал, и его никто, даже мама не могла успокоить. Отец дал Миньке слово, что как только он поедет в очередной раз на просчёт оленей, то через знакомых оленеводов постарается найти собаку.

Подключился и командир пограничной заставы, товарищ родителей, связавшийся со своими сослуживцами в посёлках Мейныпильгино и Хатырка.

В декабре пограничники из Мейныпильгино сообщили, что у одного из оленеводов появился отличный вожак и волкодав, но тот его держит в бригаде и в посёлок не приезжает. Забрезжила надежда, что это был Мишка. Отец пошёл в райисполком (тогда уже появились райисполкомы, а вместо политотделов – райкомы партии) и попросился на весенний просчёт оленей в Мейныпильгинскую тундру.

А Минька ожил. Он везде и всем говорил, что Мишку нашли, и что скоро он будет дома. Но, как гласит русская пословица: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Прошли и декабрь, и январь. В феврале артистов посёлка пригласили выступить с концертом в честь Дня Советской Армии в войсковой части. Часть была расположена в сорока километрах от посёлка и туда можно было добраться только на тракторе.

В очередную субботу самодеятельные артисты залезли в тракторные сани, где было навалено сено, накрылись солдатскими тулупами и матрасами и поехали в войсковую часть. Ехать надо было более пяти часов, и к месту назначения они приехали во втором часу ночи.

Однако их ждали. Быстренько переодевшись, артисты начали концерт. Первым для разогрева зрителей выпустили Миньку с отцом. Для того чтоб певца было лучше видно, ему поставили армейский табурет. Начинал Минька со своей коронной песни «Мы шли под грохот канонады».

Зал был полон. Впереди сидели офицеры в парадной форме вместе со своими наряженными жёнами. Дальше расположились сверхсрочники и солдаты срочной службы. Сбоку на полу сидело человек шесть чукчей-оленеводов. Как потом выяснилось, они привезли военным подарок к празднику – полтора десятка оленьих туш.

Вышедший на сцену командир части сказал приветственное слово артистам, поблагодарив их за столь мужественный поступок - приезд в отдалённую часть, и пожелал всем хорошего вечера.

Минька был на подъёме. Он с удовольствием запел песню, а зал стал в такт хлопать ему в ладоши. Такого приёма артист никогда не получал! Но когда он проникновенно запел:

«Однажды, ночью на привале

Он песню весёлую пел,

Но, пулей вражеской сражённый,

Допеть до конца не сумел», - услышал вой. Так мог быть только Мишка!

Не закончив песню, в своей концертной матроске Минька вихрем пронёсся сквозь ничего не понимающий зрительный зал и выскочил на улицу. Холодный ветер рвал с него курточку, но он бежал на знакомый вой.

Выскочив за угол казармы, Минька увидел четыре собачьих упряжки. В одной из них стоял огромный пёс и выл. Когда появился Минька, он прекратил выть и махнул хвостом. Сомнений не могло быть. Это был Мишка! Его любименький пёс, нет - ДРУГ Мишка!

Минька, не раздумывая, бросился к упряжке, несмотря на то, что выскочивший вслед за ним отец и офицеры кричали, чтобы он оставался на месте. Никто и ничто не могло остановить мальчишку, идущему на выручку своему другу.

Собаки всех упряжек, до того мирно лежащие в снегу, вскочили на ноги и стали бешено лаять. Собаки Мишкиной упряжки готовы были броситься на незнакомца, но рык жожака перекрыл все звуки, и собаки замолчали с удивлением, как и выскочившие на улицу люди, глядя на Миньку, который целовал морду огромного пса, а тот старался облизать ему лицо.

Минька лихорадочно пытался развязать заледенелую упряжь. Но даже его быстрые зубы не могли расслабить затянувшийся сыромятный узел.

Кто-то из офицеров, окликнув его, бросил перочинный нож. Рраз! И постромка была разрезана. Минька весь в снегу и собачьей шерсти выскочил из упряжки вместе с Мишкой. Но куда идти? Тем более что к нартам, что-то крича, бежали оленеводы.

Минька с освобождённой собакой бросился бежать вокруг казармы, влетел с другой стороны в клуб, заскочил на сцену за кулисы и спрятался в маленькой комнатке, где разделись артисты. Послышались шаги, и чей-то голос сказал: «Да здесь он. Куда ему деваться?»

Шаги приблизились к двери, и тут Мишка зарычал: «Он никому не даст в обиду своего друга». За дверью затихли. Прибежала мама и открыла дверь. Мишка напрягся и снова зарычал. Но Минька стал гладить его и шептать: «Это свои. Свои, успокойся!»

С каждым поглаживанием Мишкин рык звучал всё глуше и глуше. Наконец он замолчал. Мать стояла оторопело пораженная таким поведением собаки. Но тут раздался голос командира части: «Концерт-то продолжать будем?» А мама добавила: «Ну, всё, Мишки, успокойтесь. Никто вас не обидит и не заберёт. Минька, оставь Мишку здесь и пойдём со мной. Люди ждут».

За кулисами все тискали Миньку, каждый хотел подбодрить мальчонку, но он никак не мог успокоиться. Наконец появился отец. «Всё, - сказал он Миньке, - Успокойся. Все вопросы решены и мы доказали оленеводам, что собака наша. Я предложил им пройти и забрать её, но они попросили вывести собаку на поводке с палкой, чтобы Мишка не мог броситься на них. Что же это за хозяева, если боятся собаки?»

Потом он рассказал, что ему предлагали за Мишку трёх оленей, и оленеводы очень расстроились, когда поняли, что собаки им не видать. «Всё, - повторил отец. - Пойдём допевать твою песню». Он взял на руки свой аккордеон, осмотрел Миньку, которого женщины уже успели отчистить от собачьей шерсти и, вдруг наклонился к нему и быстро поцеловал в макушку. «Молодец! Только так сын!»

Выход отца с сыном публика встретила бешеными аплодисментами. Солдаты, расположившиеся в дальнем конце клуба, встали с лавок и начали скандировать: «Молодец! Молодец!» Все уже знали, что это Минькин пёс, которого он искал так долго.

Когда аплодисменты закончились, отец сказал: «Дубль два. Поёт Михаил Серов, аккомпанирует Николай Серов!»

И Минька запел о смелом и весёлом мальчишке Гавроше, который погиб за дело революции с улыбкой на лице. Потом «на бис», он спел ещё две песни и, провожаемый оглушительными аплодисментами, помчался к Мишке.

Как закончился концерт и праздничный ужин, маленький артист не знал. Обняв своего друга, он заснул на куче одежды. Проснулся уже в санях, на обратном пути. Вместе с людьми, рядом с ним, спал его пёс, положив на Миньку большую, тяжёлую лапу. Минька погладил её и пёс лизнул его в ухо. Так хорошо Миньке ещё никогда не было.

Глава УШ.

В марте отец вместе с Пананто уехали на подсчёт оленей. Надо ли говорить, что вожак в упряжке был Мишка. Однако через неделю упряжка вернулась, но без Пананто. Отец отвёз его в больницу, где ему сделали срочную операцию аппендицита. Врач сказал, что прошло бы ещё несколько часов и Пананто погиб. У него был гнойный аппендицит, который к тому же и лопнул.

Минька был рад столь быстрому возвращению собаки. Вечером, когда он вернулся из школы и бросился её обнимать, Мишка вдруг заскулил, как от боли. Внимательно осмотрев собаку, Минька увидел несколько свежих рваных ран. Он с негодованием бросился в комнату, где за столом собрались друзья родителей. Но сказать он ничего не успел, потому что отец, подняв стакан, сказал: «Давайте выпьем за Мишку! Он, наверно, спас нам с Пананто жизнь!»

Все недоумённо посмотрели на пьющего за собаку отца, но поддержали его. А отец, закусив, рассказал, что произошло.

«До первой бригады они добрались нормально. Пересчитали оленей и очень удивились, что их стало гораздо меньше по сравнению с осенним подсчётом. Так же в бригаде было только три оленевода. Оказывается, в тундре появилась стая волков, штук десять-двенадцать, и они откололи часть стада. Вот большинство оленеводов и пошли искать «откол». Появление стаи волков было неожиданным, так как в предыдущем году по всей тундре была устроена настоящая охота на этих хищников и, как доложили в райисполкоме директора совхозов, все они были уничтожены. Прийти волки могли только из Анадырской тундры.

Тем не менее они появились и стали разбойничать в оленеводческих хозяйствах. Это насторожило Пананто и отца, так как у них был всего один карабин с полутора десятками патронов. Встреча с волками ничего хорошего не предвещала.

Утром приехали остальные оленеводы с отколотым стадом. К счастью, они успели вовремя найти его и дали стае отпор, убив двоих хищников. Выйдя из яранги,* отец увидел на одной из нарт огромного убитого волка. Таких особей он ещё не видел. Но Пананто, взглянув на мёртвого хищника, с уверенностью сказал: «Это арктический волк. Там в этом году очень холодно и голодно, вот они к нам и подались».

Услышанное не очень обрадовало. К тому же начиналась пурга, и оленеводы заспорили о том, нужно ли отцу ехать дальше или лучше переждать пургу у них. Остановились на том, что денька два они проживут в этой бригаде, а там, глядишь, и погода наладится. Но на другой день Пананто свалился. Резкая боль внизу живота не давала ему не только подняться, но он с трудом и сидел. Его рвало. Отец сразу же понял, что это аппендицит и надо срочно возвращаться в посёлок.

Пурга между тем превратилась в лёгкую позёмку. Небо было чистое, вершины сопок проглядывались достаточно чётко, чтобы по ним определить обратный путь. Оленеводы хотели отправить с ними ещё одну упряжку, но Пананто возразил, сказав, что сами доберутся и завтра будут уже дома. Да и боль вроде поутихла. Он даже предложил ехать дальше подсчитывать оленей, но тут уж возразил отец. В общем, они поехали обратно.

Через несколько часов ветер вновь стал усиливаться. Запуржило. Пананто становилось всё хуже. Он уже не мог сидеть и лежал на нартах, тихонько охая при резких толчках. Отец, за несколько лет своих поездок в тундру научившийся управлять упряжкой, уверенно вёл её в сторону посёлка. Его, правда, удивляло несколько странное поведение Мишки. Он на ходу то вдруг высоко поднимал морду вверх, будто принюхиваясь, то шевелил ушами и вертел головой в разные стороны, словно к чему-то прислушиваясь. Столь же странно вели себя и другие собаки, почему-то ставшие прижимать к себе свои хвосты. Пананто, лежавший головой по ходу нарт, и не видевший такого поведения собак, неожиданно твёрдо сказал: «Волки». Отец обернулся и увидел, как метрах в пятидесяти от них по следу один за другим бегут волки.

Сколько их в стае, за снежными порывами было трудно разглядеть, но то, что это была стая, не было никаких сомнений. Волк – одиночка никогда не приблизился бы к собачьей упряжке так близко.

Отец остановил упряжку и достал карабин. Оставалась надежда только на него. Вероятно, когда оленеводы отбили у волков своих оленей, те не успели насытиться и теперь голод гнал их за пищей. Они готовы были напасть даже на людей.

Это только в рассказах Джека Лондона нужно только развести костёр и защищаться от серых хищников с его помощью. В Чукотской тундре деревьев нет, и костёр разводиться в зимних условиях не из чего.

Начинало темнеть. Ветер стих, и сразу же прояснилось. Волки, а их было семь штук, отбежали от нарты метров на сто и легли на снег. Они прекрасно понимали, что деваться упряжке некуда и им осталось только ждать каких-то действий со стороны людей. Не будь их, они давно бы разорвали собак в клочья.

Но Мишка, Мишка не хотел ждать. Он дёргал упряжь и всем своим видом потребовал, чтобы отец освободил его. Посоветовавшись с Пананто, отец снял с него упряжь. Собака подскочила к нарте и уставилась прямо в глаза лежащему каюру, как будто что-то говоря ему. Пананто кивнул головой и тихо сказал жожаку: «Давай попробуем».

Мишка отскочил от нарты, посмотрел на отца, потом перевёл взгляд на карабин, а затем на лежащих волков, словно говоря отцу, чтобы тот не торопился стрелять. И, видимо почувствовав, что его поняли, он рванул в сторону стаи, которая тут же вскочила на ноги.

«Он хочет подвести их поближе и сбить в кучу, - вдруг сказал приподнявшийся на руке Пананто. - Стрелять будешь по куче».

Мишка начал забирать влево, и волки сначала не спеша, затем всё быстрее и быстрее помчались по насту за ним. Волкодаву надо было сначала растянуть их в цепочку и разорвать её. Что он удачно и делал. Когда вереница волков распалась и вперёд вырвались два волка, находившиеся в пяти и десяти метрах от Мишки, тот вдруг резко повернул вправо. Передний волк, не ожидая такого манёвра и пытаясь повернуть за Мишкой, упал, поскользнувшись на насте. Секунда - и Мишкины зубы полосонули его за бок.

Следом он грудью в грудь столкнулся с летевшим на него вожаком волчьей стаи. Лязгнули зубы, и из разорванного горла волка хлынула кровь, а сам он замертво свалился на снег. Мишка же опять пустился по кругу вокруг нарт, держа оставшихся волков на небольшом расстоянии от себя.

Потеряв вожака и желая отомстить обидчику, они мчались за Мишкой, всё плотнее собираясь в кучу.

«Приготовься, - сказал Пананто отцу. - Сейчас будешь стрелять».

Мишка как будто услышал команду каюра. Он опять резко изменил направление бега и помчался прямо на нарту. Метрах в двадцати от неё он резко повернул в сторону преследующей его стаи и бросился в самую середину.

Волки вновь не ожидали такого манёвра. Кто-то из них упал, пытаясь быстро остановиться и оказавшись сбитым бегущими позади волками. Кто-то рванул к Мишке и помешал остановиться другим хищникам. В общем, образовалась большая куча-мала. Из этой кучи вылетел Мишка с висящим на нём волком.

«Стреляй!» - крикнул Пананто, и отец начал бегло стрелять из карабина по свалившимся в кучу волкам. Раздался визг. Волки заметались, сбивая друг друга, а отец стрелял и стрелял в кучу. Наконец, три волка вырвались из этого несчастного для них круга, помчались в тундру. На снегу лежало два тела хищников и ещё одного немного в стороне давливал Мишка.

Отец присел на краешек нарты и посмотрел на Пананто. И у того и другого на лице выступили капли пота, будто это они, а не Мишка носились вокруг нарты по кругу.

«Вот это да! – протянул отец. - Про такое расскажут, не поверишь». Пананто улыбнулся и закрыл глаза. Ему было совсем плохо.

Подожёл Мишка и вновь посмотрел в глаза отцу. Тот опустил перед собакой на колени и поцеловал её в нос. Пёс как будто засмутился и боком отскочил от нарты. Затем он подошёл к месту вожака и опять взглянул на отца. «Привязывай, - говорил его взгляд. - Надо бежать в посёлок».

Ночь выдалась тихая, с лёгким морозцем. И уже утром отец увидел мыс Наварин, а через два часа он был у поселковой больницы, где тут же сдал потерявшего сознание Пананто в хирургическое отделение».

«За Мишку!» - второй раз сказал отец и, налив себе в стакан разведённого спирта, выпил стоя. Затем повернулся к Миньке.

«И тебе, сын, спасибо за собаку. С ней не пропадёшь!»

Минька, подойдя к отцу, уткнулся тому в колени и тихонько заплакал. Ему было жалко и отца, и Мишку, и бедного Пананто, и было хорошо, что так хорошо всё кончилось.

Нечего и говорить, что Мишку ублажали целую неделю. О нём в посёлке начали рассказывать легенды, что он чуть ли не один завалил дюжину волков. Он вроде бы притащил домой нарту с заболевшим Пананто и отцом. В общем, рассказов была масса, но все они были далеки от истины.

Из больницы Пананто вернулся через месяц. При встрече с Мишкой они долго смотрели в глаза друг другу и улыбались. Пананто так никому и не открыл тайну, как он понял там, в тундре, Мишку. И только Минька знал, что просто Мишка может гово-

ритель. Не как люди, а глазами. Только надо очень, очень хотеть его понять и хоть немножко любить.

Глава VIII.

И вновь наступила зима. Минька ещё несколько раз отбивал набег чукчей-оленоводов на Мишку. Теперь, как только чья-то упряжка появлялась в посёлке, он сразу узнавал об этом или от ребят, или от взрослых, с уважением относящихся к их трогательной дружбе. Правда, Мишка ходил в нарте, но исключительно у Пананто. В этом случае Минька был спокоен и знал, что здесь собаку не обидят.

Однажды после первого урока в класс вошёл директор школы Пагава и объявил, что занятия прекращаются, так как надвигается сильная пурга. Он предложил ребятам разойтись по домам и не задерживаться на улице.

Нечего и говорить, что ребятня с восторгом приняла это известие и гурьбой высыпала на улицу. Стояла тихая, солнечная, но с морозцем погода. И было грех в такой день сидеть дома. Поэтому Минька принял предложение своего одноклассника Тольки Колбасникова сходить с ним на метеостанцию, где он жил. Тем более, что там работниками этой станции для своей детворы была построена ледяная горка.

Метеостанция находилась на сопке в пяти километрах от посёлка. Но что это за расстояние для двух друзей, предвкушающих радость лихого катания с горки?!

Когда они подошли к метеостанции, заметно потеплело и стал поддувать лёгкий ветерок. Однако это не насторожило ребят и они, сидя на портфелях, с удовольствием осваивали чудо-горку. Минут через сорок, когда Минька засобирился домой, дуло уже прилично. Но позёмка не закрывала, как показалось Миньке, посёлок, и он направился в обратный путь.

Спустившись с горы, он понял, что внизу пурга дула уже не на шутку и нужно было как можно быстрее оказаться в посёлке, где есть хоть какие-то ориентиры. Он побежал, но не заметил на дороге приличного бугра, споткнулся и упал. Из расстегнувшегося портфеля вывалились книжки, тетради. Минька прыгнул на них грудью, чтобы те не разлетелись, но задержать удалось не всё.

Собрав портфель, Минька в растерянности огляделся. Пока ему пришлось ползать по снегу, Минька потерял направление движения. Уже выла настоящая пурга и дорогу, по которой он шёл, замёл снег.

Минька стал вспоминать, с какой стороны начинал дуть ветер. Но это занятие оказалось бесполезным, так как ветер, ударяясь в сопку, менял направление, закручивал снег и определить его направление было совершенно невозможно.

И тут Минька совершил первую и главную ошибку. Вместо того чтобы остаться на месте и ждать, двигаясь по небольшому кругу, когда его найдут, он пошёл наугад. Через некоторое время, потеряв дорогу, он побрёл вперёд, ничего не видя да и уже ничего не соображая.

Неожиданно из пурги на него выплыл телеграфный столб. Минька попытался запрягаться за него от усиливающего ветра и даже сел на портфель, чтобы немножко отдохнуть. Это была вторая ошибка. Ему сразу же захотелось спать, он почувствовал идущую откуда-то теплоту и закрыл глаза.

Пананто успел вернуться домой в самом начале пурги. По всем признакам надвигалась очень сильная пурга, и ему совсем не хотелось пережить её в тундре в снегу.

Собаки, освобождённые от упряжки, начинали крутиться на месте, выбирая себе место для лёжки. Только Мишка остался стоять, прислушиваясь к усиливающемуся вою ветра.

Прибежавший с работы отец спросил у Вальки:

- А где Минька? - Тот в ответ недоумённо пожал плечами:

- Может, в школе, а может, с ребятами где-то шляется.

Шляться долго с портфелем Минька не мог. «Значит, в школе» - подумал отец.

Через полчаса пришла мать и задала тот же вопрос. Не получив ответ, она засобиралась в школу, тем более что та находилась недалеко от дома. Вместе с ней пошёл и отец.

Выйдя на улицу, они попали в такую карусель ветра и снега, что с трудом смогли устоять на ногах. Но даже в этой круговерти отец обратил внимание на ненормальное поведение собаки. Мишка, как и тогда в тундре, при встрече с волками, внимательно смотрел ему в глаза, как будто пытался что-то сказать.

«Успокойся, успокойся» - сказал отец и хотел погладить пса. Но тот, прихватив зубами его рукав, стал тянуть по направлению к сопке.

- Да погоди ты! - сказал отец и почувствовал, как у него тревожно забилось сердце.

- Где Минька?

Они смотрели друг на друга – человек и собака, и отец начинал понимать, что случилась беда.

Ворвавшись в школу, родители нос к носу столкнулись с её директором, и тот сообщил им, что три часа назад распустил всех школьников по домам.

Разделившись, родители бросились к Минькиным друзьям. Те находились дома, но сына у них не было. Валерка Ощепков вспомнил, что Толька Колбасников звал их на метеостанцию покататься на горке, и сделал предположение, что Минька мог отправиться туда.

Отец ринулся в поселковый совет, откуда можно связаться с метеостанцией. Родители Тольки, расспросив сына, сообщили, что точно, Минька был, но перед началом пурги он ушёл в посёлок.

Заместитель председателя поссовета немедленно по принудительной радиотрансляции объявил по посёлку тревогу, и через полчаса человек сорок мужчин, обвязавшись верёвками, направились в сторону метеостанции.

Мишка, внимательно наблюдавший за этими сборами, неожиданно подскочил к отцу, ткнул его носом в бок и, когда тот обернулся к нему, как-то коротко, не по-собачьи гавкнул, чего никогда раньше не делал, а потом сначала медленно, а затем всё быстрее побежал... в сторону подсобного хозяйства и скрылся в пурге. Это хозяйство находилось в трёх километрах от посёлка на берегу бухты, примерно в том же направлении, что и метеостанция. А вернее, под горой, где та располагалась.

Отец, махнув рукой, мол, не до тебя, бросился догонять ушедших вперёд людей. Те, растянувшись поперёк дороги, или, вернее сказать, всего того, что от неё осталось, прочёсывали снег, расковыривая каждый, даже самый маленький бугорок. Под ним мог оказаться ребёнок. Они прошли до метеостанции, изредка стреляя из охотничьих ружей вверх, но ничего не нашли. Там к ним присоединилась ещё группа людей, и они пошли в обратную сторону, сместившись в сторону тундры. И опять ничего.

Тогда они сместились в сторону бухты и прочесали тундру ещё раз. Миньки нигде не было. Ребёнок бесследно пропал в этом снежном водовороте, а пурга всё усиливала свою ярость, видимо, не желая отдавать людям свой трофей.

Было принято решение прекратить поиски до того времени, пока сила ветра хоть немножко не спадёт.

К отцу подошёл Пананто и спросил: «Где Мишка?»

Отец махнул в неопределённом направлении рукой и пошёл домой. Надо было что-то говорить жене. А что он мог сказать?

Увидев вошедшего на кухню мужа, мать всё поняла, и из её глаз потекли слёзы.

Валька бросился к ней и стал успокаивать: «Мамочка, не надо плакать. Он найдётся! Ты же знаешь, что он не может пропасть!»

Тут в дом вошёл Пананто. Увидев его, Валька добавил: «Вот и дяденька Пананто с Мишкой приехал, а Мишка его найдёт!»

Эти слова словно током прошибли отца.

«Стойте! - сказал он. - Мишка побежал в сторону подсобного хозяйства и звал меня. Только я тогда не понял».

Сдёрнув с вешалки шапку, он бросился на улицу, забежал в поссовет, где ещё находились люди.

«Я знаю, где надо искать сына! Нужно идти в сторону подхоза!»

Все старались успокоить его, объясняя, что в такую пургу нельзя идти. Можно потерять других людей. Но отец рвался на улицу, и только силой его смогли удержать на месте.

Мишка, попытавшись показать отцу, что знает, где надо искать Миньку и, увидев, что тот его не понял, рванул в пургу. Нет, он не знал, где находился друг, он просто чувствовал, что бежит правильно. В такую пургу ни учуять, ни видеть на расстоянии не мог никто.

Прибежав к подхозу и обежав его несколько раз, он понял, что Миньки здесь нет. Волкодав поднял голову и страшно завыл. Прислушался. Снова завыл и вдруг замер, уткнувшись взглядом в телеграфный столб. Немного постояв, он подбежал к нему, обнюхал со всех сторон и стал искать другой, затем третий. Наконец, под одним из очередных столбов, он заметил маленький бугорок. Чутьё подсказало ему, что это Минька. Он, со всех лап бросившись к нему, стал разгребать снег. Вот показалось Минькино лицо. Глаза были закрыты. Но он дышал. Мишка стал облизывать его, потом сильными лапами разбросал снег вокруг всего Миньки, залез между ним и несущим тучи снега ветром, подsunул под его голову одну лапу, прикрыл другой и прижался к его тельцу. Ему было не очень удобно и холодновато лежать. Собаки всегда спят в снегу, свернувшись в клубок, что позволяет сохранять тепло. Но тут тепло нужно было человеку, и Мишка понимал это.

Прошёл час. Вверху гудела пурга, а снег, засыпав друзей, сохранял тепло, идущее от собаки.

Вдруг, Мишка почувствовал, что Минька зашевелился и зевнул. Затем он повернулся к собаке лицом и, не открывая глаза, сказал:

«Я тебе завтра покажу хорошую горку. Она такая быстрая. Вот увидишь! Схожу в школу, и побежим кататься». И он обнял пса, теснее прижимаясь к нему.

Мишка готов был выть от радости, но продолжал смирно лежать.

Ближе к обеду следующего дня, когда посветлело и ветер вроде бы немного стих, собравшиеся в поссовете люди вышли в сторону подсобного хозяйства. Некоторые из них выражали сомнения в правильности действий, говоря, что ребёнка надо искать между метеостанцией и посёлком, а не где-то там в стороне. Но отец, шедший впереди всех, никого не хотел слушать. Он надеялся, что Мишка, спасший его в тундре, обязательно найдёт Миньку и не даст тому замёрзнуть.

Придя на подхоз, они расспросили сторожей, но те никого: ни ребёнка, ни собаки не видели. Правда, ближе к вечеру появились волки. Сторожа их не видели, но звери страшно выли.

«Это Мишка, - сказал отец. - Это Мишка!»

Выскочив из сторожки на улицу, отец лихорадочно думал: куда идти? Где может быть собака с сыном? У него не было сомнений, что они где-то рядом. Но где? Он сорвал с плеча ружьё и дуплетом* выстрелил вверх. Выскочивших на выстрел людей он

остановил резким жестом, скинул с головы ушанку и стал прислушиваться. Затем, зарядив ружьё, он выстрелил во второй, а затем и в третий раз.

Мишка дремал. Что-то неожиданно заставило его открыть глаза. Что-то произошло. И вдруг он услышал два выстрела. Тогда, бросив Миньку, пёс выскочил из сугроба, который за ночь намела на них пурга, и завыл. Но это был не пугающий не тревожный вой. Это был вой радости. Бросив выть, Мишка побежал по кругу вокруг столба, чтобы согреться и размять затёкшие лапы. Потом он начал носом толкать Миньку, заставляя его проснуться.

Тот сел, но долго ничего не мог понять. Почему он сидит в снегу, почему рядом беснуется Мишка, и что это за люди, орущие и бегущие к нему? Только на руках у отца он вспомнил, что ходил на метеостанцию.

В больнице, куда сразу же принесли ребёнка, врач осмотрел его и обнаружил только немного обмороженное ухо и щёки. Это было не так страшно.

В посёлке все опять говорили про Мишку. А Минькина мама отрезала целую ногу от стоявшей в тамбуре туши оленя и положила перед собакой, чмокнув при этом её в лоб.

Глава IX.

Летом отец уехал в командировку в посёлок Провидения, что располагался на другом берегу Анадырского залива.

Вернувшись, он сказал матери, что его пригласили на работу в Провидения и что это очень благоустроенный и большой посёлок, не чета Бухте Угольной. Правда, сначала придётся жить в общежитии, но новое начальство обещает в недалёком будущем выделить балок*.

Об этом сообщили детям. Минька сразу же спросил: «А Мишку берём?» На что отец уклончиво ответил, что, мол, там посмотрим.

«Гам» - наступил в октябре. Отец сказал, что через пять дней придёт последний грузопассажирский пароход «Двина» и они на нём поплывут в Провидения. Минька снова задал свой вопрос о собаке, и тогда отец, присев на корточки, стал объяснять ему, что жить они на новом месте будут в общежитии, а там собак держать нельзя. Что собаку не пустят на пароход, Мишку они оставят у Пананто и ему будет хорошо. Но Миньку уже ничего не могло успокоить. Он стал упрашивать родителей, чтобы они взяли с собой собаку. Стал вспоминать, сколько она доброго сделала для всех, а затем, видя, что все его уговоры и слёзы напрасны, сказал, что останется здесь, и будет жить или в школе-интернате, или у Пананто.

Ни уговоры, ни крики родителей не могли успокоить сына. Он даже вновь стал заикаться, хотя с помощью пения избавился от этой напасти.

Родители просто прекратили этот разговор, и Минька понял, что будет так, как они решили. Он с собакой убежал в тундру, но его нашли, и впервые отец выпорол его, приказав из дома не выходить. Но Минька вновь убежал. На этот раз в посёлок Нагорный, где прятался с собакой в сарайчике у бывшего своего одноклассника.

Родители и там его нашли, правда, без особых последствий для сына. Мать всё время разговаривала с ним, пыталась успокоить его. Но Минька был безутешен.

Вечером пришедший с работы отец позвал сына и сказал, что договорился со своим новым начальством: как только им выделят отдельное жильё, его отпустят в Бухту Угольную и он привезёт Мишку в Провидения. Минька понимал, что такого никогда не будет, но его ошеломило враньё отца, который никогда не бросал слов на ветер. Это как-то сломило Миньку, и он затих, проводя оставшиеся дни только с Мишкой. Тот

тоже чувствовал, что что-то происходит, и не отходил от своего маленького хозяина ни на минуту.

И вот на рейде загудел давно ожидаемый родителями и так ненавидимый Минькой пароход. Утром пришла грузовая машина, в которую провожающие побросали немногочисленные узлы со скарбом. Все вошли в дом, чтобы выпить на дорожку, а Минька за баракком, сидя на бревне и уткнувшись в шею друга, плакал горячими слезами. Мишка пытался лизнуть его, но никак не мог дотянуться до лица. Тогда он встал и, когда Минька выпрямился, засунул свою огромную морду ему подмышку и зачих. Так он никогда не поступал, но Минька знал от Пананто, что это самое большое доверие к человеку - спрятать не только нос, но глаза и уши. Тем самым он лишал себя возможности видеть и слышать, становясь совсем беспомощным.

Так их и нашёл отец. Опустившись на колени перед собакой, он упёрся в его лоб своим лбом и тихо сказал ему: «Прости, Мишка!» В ответ тот лизнул ему щёку.

Провожающие пошли к причалу, где стоял буксир.

На пирсе стоял грустный Пананто. Минька, вырвав свою руку из руки отца, подошёл к стоявшему тут же Мишке, долго-долго смотрел тому в глаза, ещё раз обнял его, потом поцеловал в мокрый, шершавый нос и подвёл к Пананто.

«Дяденька Пананто, - дрожащим голосом сказал он, - не обижайте его, пожалуйста». Сдерживая слёзы, он отошёл к матери. Та обняла его, и стала что-то тихонько шептать мальчику на ухо. Минька кивал головой, всхлипывал, и всё теснее прижимался к ней.

Призывно гудя, буксир отвалил от пирса и пошёл в сторону парохода. Мишка, глядя, как от него навсегда уплывает его единственный друг, поднял морду вверх и завыл. Завыл так, как никогда не выл до сего времени. Это был вой отчаяния и горя, прощания и памяти.

Минька с палубы буксира крикнул ему в ответ: «Я люблю тебя! Я тебя никогда не забуду!» Но шум работающего дизеля и ветер с берега отнёс его слова в сторону. А Минька во все глаза глядел на постепенно уменьшающиеся фигуры Мишки и Пананто.

Пароход удивил ребят своими размерами. С берега он казался маленьким, а тут огромная стена металла стояла перед ними и дрожала от работающих внутри машин.

С палубы спустили грузовую сетку и всё семейство Серовых вместе с багажом было доставлено на верхнюю палубу.

Выбравшись из сетки, они по винтовой лестнице спустились в грузовой трюм, оборудованный двух и трёхэтажными металлическими кроватями для пассажиров. Такой трюм назывался твиндек.

Найдя свободные кровати, родители стали устраиваться, так как предстояло недельное плавание, а мальчишки побежали осваивать пароход. Новая обстановка, знакомство с такой громадиной отодвинуло Минькино горе от расставания с собакой на второй план. До самого вечера ребята шныряли по всем палубам, познакомились с другими мальчишками, плывущими с родителями кто в Анадырь, кто в Эгвекинот, а кто и в бухту Провидения.

Уже в сумерках послышалась команда: «На брашпилье! * Поднять якорь!» Загудела лебёдка, загремела якорная цепь, сильнее задрожал корпус парохода от прибавивших оборотов машин, и судно, медленно развернувшись кормой к посёлку, стало уходить в открытое море.

Минька стремглав бросился на корму, чтобы последний раз посмотреть на огни посёлка, где остался навсегда его товарищ и друг. Стоял тихий безветренный вечер. Издалека с берега послышался волчий вой. Это Мишка посылал своему другу последний привет. Минька бросился в твиндек, там нашёл безлюдный уголок, забился в щель между чьими-то вещами и вновь горько заплакал. Ему было жалко и себя, и Мишку, и ос-

тавшихся в посёлке лучших друзей. Так незаметно для себя, убаюканный равномерным покачиванием парохода, вышедшего в открытое море, он заснул.

Ему снился сон, что он несётся с ледяной горки, сидя на портфеле, а рядом мчится маленький Мишка, пытаясь схватить Миньку за рукав или полу расстёгнутого ватника. Рядом с Минькой катятся хохочущие друзья, и всем им так хорошо и весело!

А Мишка, ещё постояв немного на берегу, медленно вернулся домой, где его ждал Пананто. Тот погладил пса по голове и молча придвинул к его морде миску с мясом. Но есть собака не стала. Тогда новый хозяин завёл его в тамбур своего дома и указал место, где заботливо была положена на землю оленья шкура. Собака легла, уткнувшись носом в угол, положив голову на вытянутые вперёд лапы. Всем своим видом пёс говорил, что не хочет никого видеть.

Через час подошедший к нему Пананто увидел, что Мишка спит, и во сне у него дёргаются лапы, будто он бежит. Пёс улыбался. Ему снился белый искрящийся снег, орущий от радости сидящий в корыте Минька, и ширь, открывающаяся перед этой удивительной упряжкой.

По собачьей щеке медленно сползала слезинка.

Послесловие:

Прошло два года. Минька передружился с ребятами из посёлка, а своим бесстрашием перед собаками заслужил их неподдельное уважение. Были случаи, когда взрослые звали его, чтобы усмирить разошедшуюся псину. Все собаки чудесным образом слушались его. Но лучше Мишки он никого не видел. Даже когда родители, видя, как сын скучает по оставшейся далеко собаке, предложили ему завести нового друга, тот отказался.

Зимой Минька часто ходил на берег бухты к магазину, у которого на льду приезжавшие в посёлок чукчи-оленеводы оставляли своих собак. Он смотрел на них и вспоминал Мишку, как они носились по посёлку в корыте, а затем в панантиной упряжке и по тундре.

Однажды он сумел спасти от смерти молодого пса, неосторожно подошедшего к упряжке. Маленький мальчик, видимо, хозяин этой собаки, увидев, как упряжка бросилась на его Дружка, страшно закричал. Вот тогда Минька прямо с обрыва, под которым находились нарты, прыгнул в самую кучу сбившихся в клубок собак. Безошибочно определив вожака, он со всего размаху ударил того по глазам. Пёс заскулил, отпрянул в сторону от непрошеного гостя и своей, как ему казалось, законной добычи. Остальные собаки тоже отскочили. Минька выбросил несчастную жертву из упряжки, но, услышав нарастающий собачий рык за спиной, мгновенно обернулся и упёрся немигающим взглядом прямо в глаза пришедшему в себя вожаку. Тот, разъярённый неожиданно напавшим на него мальчишкой, ошетинился и, оскалив зубы, готовился к прыжку на обидчика. Но пристальный взгляд человека, в котором не было ни чуточки страха перед ним, остановили его. Вожак рычал, но с места не двигался. Затем не в силах вынести этот взгляд отвернулся, с силой отбросил от себя каждой лапой по отдельности снег со льдом и сел спиной ко всей упряжке. Псы, удивившись такому поведению своего вожака, стали вновь укладываться на снег. А Минька, перешагнув через лежавшую перед ним собаку, медленно пошёл в посёлок. Он думал о Мишке.

Мишка стал матёрым псом. Мышцы его окаменели. Он мог сутками бежать в упряжке, таща тяжёлый груз. По своему уму, силе и другим собачьим достоинствам вожак заметно превосходил всех своих собратьев. Рядом с ним в одной упряжке уже хо-

дили два похожих на него пса. Это было его потомство. Но и им он не давал спуску в работе. Те были понятливы в родителя и собачью науку изучили быстро.

Пананто не расставался с Мишкой. Он изъездил с ним всю западную тундру, несколько раз был с ним на Камчатке, не раз пересекал Чукотку, добираясь до Ванкарема. Мишка уважал своего хозяина, но иногда в посёлке он становился задумчивым, отказывался от еды и уходил в свой угол, оставаясь там в одиночестве. Он скучал по другу.

Однажды, вернувшись из Анадыря, Пананто сказал жене, что его направляют на Восточную Чукотку организовывать на перевалбазах в тундре выездные школы и культурный досуг для оленеводов. В дальнейшем такие передвижные клубы назовут Красной ярангой.

Через месяц в райисполком из окружного центра, города Анадыря, поступило распоряжение об отправке в Провиденский район.

Он собрал вещи и, попрощавшись с женой, детей у них не было, уехал на новое место работы. Жена должна была приплыть туда летом на пароходе.

В Анадыре к нему присоединились ещё две собачьих упряжки с выпускниками Анадырского педучилища. Так втроём они и направились в Энмеленскую тундру. Их местом работы стала перевалбаза в местечке Пеппин. Туда летом завозили продовольствие, папиросы, спички, патроны, другие необходимые для оленеводческих бригад вещи. А зимой проходящие мимо с оленьими стадами оленеводы могли здесь пополнить свои запасы, не заходя в стоящие в стороне от маршрутов кочёвки посёлки.

На перевалбазе можно было отдохнуть, посмотреть кинофильм, позаниматься с учителем. Сюда периодически приезжали медики, лекторы Провиденского райкома партии. Да и до самого посёлка Провидения было каких-то сто пятьдесят километров.

В марте в Провидения собирали на семинар всех руководителей перевалбаз района. Пананто, собиравший упряжку, долго смотрел на ничего не понимающего Мишку. Каю думал: брать собаку с собой или нет? Ему очень не хотелось терять такого жоака, а вариант встречи собаки с Минькой или его родными был велик. Тяжело вздохнув, приняв решение, он поставил его в голову упряжки.

Сбор был назначен в райкоме партии, и Пананто к обеду воскресного дня подъехал к его зданию. Здесь уже стояло несколько нарт, и псы их упряжек встретили вновь прибывших громким лаем.

Закрепив упряжку остолом, Пананто ушёл в здание.

Минька с друзьями возвращался из клуба морского порта, где они смотрели уже в десятый раз фильм «Алитет уходит в горы». Они живо обменивались впечатлениями, ещё раз переживая события фильма. Главным консультантом у них был Минька. Он часто рассказывал о своей собаке и каждый раз, посмотрев этот фильм, говорил, что Мишка был лучше всех собак фильма. Ребята согласно кивали головами, в душе не очень-то веря Минькиным рассказам.

Их путь проходил немного в стороне от двухэтажного здания райкома партии и райисполкома. Они шли, размахивая руками, пытаясь изобразить, как Алитет боролся с богатым хозяином. Их задорные голоса звучали на всю улицу.

Мишка спал, свернувшись клубком и уткнув свой нос под заднюю ногу. Ему опять снился Минька.

Он что-то кричал, громко смеялся и убегал, прячась за домами, а собака никак не могла догнать его. Это невозможно было перенести. Мишка проснулся, встал, потянулся, широко зевнул и остался стоять с открытой пастью. Минькин голос продолжал звучать. Он замотал головой. Потом, опустив её на снег, стал тереть уши и морду передними лапами. Голос не исчезал!

Тогда он сел и, задрвав голову, протяжно завыл, всполошив всех собак не только в упряжках, но и посёлке.

Минькины друзья с удивлением увидели, как их друг, осёкшись на половине слова, страшно побледнел и медленно повернулся к райкому партии. Там стояли псы, и среди них огромным ростом выделялся один. Он сидел и выл.

Минька, что-то заорав, бросился к упряжкам. Собака перестала выть и повернула голову к бегущему мальчишке.

Мишка глядел на мчавшего к нему повзрослевшего Миньку, ещё не сознавая, что это он. Он, настоящий, а не снившийся ему так долго Минька!

Вожак как-то странно хрюкнул и бросился в сторону друга, перепутав все постромки, таща за собой нарту и упавших собак.

На улице поднялся страшный лай, и из райкома партии выбежали работники райкома, приехавшие каюры. Последним вышел Пананто. Он один догадался, что произошло на улице. Он просто это предвидел.

Высочивший на улицу народ с удивлением наблюдал, как посреди дороги стоял на коленях мальчишка и обнимал огромного пса, голова которого была у него под мышкой. Слёзы радости застилали Минькины глаза, и он даже не увидел, как подошедший Пананто перерезал Мишкину постромку и отвёл упряжку в сторону. А Мишка, выдернув голову из-под Минькиной подмышки, стал носиться вокруг него, потом сбил того на снег, всего облизал и снова бросился по кругу.

Народ смеялся, видя эту встречу.

Наконец Мишка успокоился, а Минька, увидев стоявшего около упряжки Пананто, бросившись к нему, прижался к камлейке* лицом, твердя: «Спасибо, дядя Пананто! Спасибо! Спасибо!»

Минькины родители были очень удивлены, увидев вместе с сыном Мишку, входящего в балок. Они давно не верили в чудеса, но чудо происходило на их глазах. Когда же Минька рассказал им, где нашёл Мишку, отец, быстро собравшись, пошёл в райком партии за Пананто.

Мишки не могли налюбоваться друг на друга. Они подолгу смотрели в глаза и молча говорили, говорили друг другу про всё, что с ними случилось за прошедшие два года. Минька даже не реагировал на заглядывающих к ним домой своих друзей.

Ребята были поражены размерами и силой собаки. Теперь они чувствовали себя смущёнными, так как в душе не верили многим Минькиным рассказам о волкодаве. Но факт был налицо. С такой собакой можно было гулять где угодно и когда угодно, даже в тундре.

Когда пришли отец и Пананто, все сели обедать, а Мишка растянулся на полу под столом, заняв не только всё пространство под ним, но и значительную часть комнаты.

После обеда Пананто опять ушёл в райком, Минька с Мишкой помчались пугать местных собак, а отец стал нервно ходить по комнате, посасывая свою трубку. Он думал, что делать с собакой, за два года привыкшей к тундре, упряжке, да и Пананто. Тот ничего не сказал про собаку, но отец видел, что он сильно расстроен.

Вечером, когда Мишки вернулись довольные и счастливые домой, отец усадил Миньку напротив и спросил, что тот думает делать с собакой? Минька с удивлением посмотрел на отца, потом на мать и сказал: «А что с ним делать? Будет жить у нас».

На вопрос, что пёс будет делать у нас, Минька неопределённо пожал плечами, а потом повторил: «Жить!»

- Но это ездовая собака, она должна работать, чтобы не ожиреть и не погибнуть от безделья. Она отвыкла от жизни в доме. И потом она просто необходима Пананто. Ты же знаешь, как тяжело без хорошего, верного друга в тундре, - сказал отец. - Ты же не хочешь Мишке, да и Пананто зла?»

Минька растерянно поглядел на родителей, затем перевёл взгляд на сидевшего рядом Мишку, которому он всей своей ребячьей душой и сердцем желал только добра. Человек и собака встретились долгим, как всегда, взглядом. Постепенно Минька понял, что Мишка говорит ему о том, что теперь они будут встречаться, что он по-прежнему любит его, но место волкодава в тундре. Минька спустился с табуретки на пол и, взяв собаку за уши, упёрся в его лоб своим лбом. Затем он, молча, спросил: «Ты действительно этого хочешь?» Мишка оторвал голову от Минькиного лба и вновь пристально посмотрел на друга. В его глазах было всё то же решение. В ответ Минька вздохнул и ничего не сказал.

Через три дня, когда Пананто около гостиницы готовил свою упряжку в дорогу, к нему подошёл Минька с Мишкой. Каюр решил, что друзья пришли с ним попрощаться, и весело похлопал Миньку по плечу, а пса по морде. Но Минькин вид его удивил.

Мальчик грустно посмотрел на него, потом прошёл в голову упряжки, где на месте жоака стоял Мишкин отпрыск, молча отвязал того и поставил Мишку на своё законное место. Пананто не верил своим глазам. Минька сам отдавал ему навсегда свою собаку, своего друга!

- Так будет лучше, - сказал, Минька, - берегите его.

Он обнял Мишку, затем поднялся и хотел уйти, но Пананто остановил:

- Пстой! Ну-ка, каюр, давай, прокатись на нарте! Удиви своих друзей.

Минька больше двух лет не управлял упряжкой и заволновался. Сможет ли? Но, взглянув на Мишку, нетерпеливо перебирающего своими огромными лапами, на уже вытянувшуюся в струну и готовую к старту упряжку, он выхватил из снега тормозящий остол, прыгнул в нарту и, заорав во весь голос «Поть! Поть! Поть! Поть!», помчался по центральной улице посёлка, вызывая удивление и улыбки видевших эту картину прохожих.

Он свернул на улицу, проходившую мимо его школы, которая сегодня пропускалась по случаю прощания, и мимо шокированных девчонок и мальчишек, паливших на него из окон, с шиком полетел к строительному училищу. Там, дав красивый разворот, он вновь вылетел на центральную улицу и остановил нарту около ждавшего их Пананто.

- Спасибо!

На раскрасневшемся Минькином лице не было и тени печали. Он соскочил с нарты, подбежал к Мишке и быстро чмокнул его в нос. Тот в ответ лизнул его в лицо. Затем мальчик подошёл к Пананто, солидно пожал ему руку, как равный с равным.

- Буду вас ждать, - сказал тихо, но уверенно.

Он ещё долго смотрел вслед упряжке, и в его глазах не было печали. Минька улыбался.

Мишка, его любимый Мишка был здесь, рядом. А сто пятьдесят километров... для Чукотки - не расстояние!

***Кутята** - на Чукотке, в пятидесятые годы, так называли щенят собаки.

***Политотдел** - политический отдел, высший орган политического и хозяйственного управления территорией.

- *Вольер** - ограждённая открытая территория, где живут собаки.
- *Помёт** - рождённые собакой щенки.
- *Барак** - жилые многокомнатные или многоквартирные, одноэтажные здания, сделанные из деревянных щитов, внутри которых различного рода утеплитель: опилки, зола, мох. В дальнейшем утеплителем стала стекловата.
- *Рейд** - глубокое место в бухте, куда мог подойти океанский пароход для разгрузки или погрузки груза, не опасаясь сесть на мель.
- *Струганина** - (от слова стругать – резать) заморожённое оленьё мясо или определённые сорта рыбы, которые жители Северных территорий режут тонкими пластиками и в сыром размороженном виде, едят с солью или специально приготовленным для этих целей соусом (маканина).
- *Свара** - когда несколько собак дерутся все со всеми. Иногда, этот термин относят и к людям, когда они громко, все разом, ругаются друг с другом или говорят, не слыша друг друга.
- *Яранга** - жильё оленевода, сделанное из шкур оленя. Специальные деревянные жерди устанавливаются под наклоном друг к другу и обтягиваются оленьими шкурами. Внутри горит костёр, на котором готовят еду и который обогревает ярангу. Внутри есть отдельное, закрытое шкурами помещение - полог, где все обитатели яранги спят на тех же оленьих шкурах.
- *Дуплет** - выстрел из ружья одновременно из двух стволов.
- *Балок** - отдельно стоящее многоквартирное здание, сделанное из досок, между которыми засыпана зола, или опилки.
- *Брашпиль** - специальное подъёмное устройство на палубе в носовой части кораблей, для подъёма и спуска якоря.
- *Камлейка** - чукчи, коренной народ Чукотки, зимой носят кухлянки, сделанные из оленьей шкуры, мехом внутрь - накидки с рукавами и капюшоном. Чтобы снег не попадал на кожу кухлянки, сверху на кухлянку одевается тканевая, легкая накидка – камлейка. Как правило, она сшита из цветастого ситца.

Октябрь - ноябрь 2006 г.

